

АКЦЕНТЫ

ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

Пермь-транзит

*Как наш город стал местом силы не только для пермяков*СВЕТЛАНА ФЕДОТОВА,
ПИСАТЕЛЬ

Шестидесятилетие Победы в Великой Отечественной войне Русский музей Санкт-Петербурга отметил передвижной выставкой. Над названием думали долго, но остановились на таком: «Спасибо, Пермь!» Фильм для своей медиатеки питерские музейщики назвали примерно так же: «Спасибо, Пермь. Годы войны». «В этом фильме зрители повторят путь, который проделала в годы войны художественная коллекция музея из Ленинграда в Пермь», — написано в анонсе.

Путь был героическим: сначала бесценную коллекцию нужно было упаковать и погрузить в железнодорожные эшелоны. Затем доехать до Волги и перегрузиться на баржу, а уже оттуда путь лежал в город Пермь, который тогда назывался Молотов.

Там всё было непросто, потому что директор Молотовской художественной галереи Николай Серебренников ни в какую не хотел закрывать действующую выставку, а значит, пускать на «постой» непрошенных гостей — никто не знал масштабов драмы, которая разворачивалась тогда на западе страны.

Но всё преодолели, и на долгие годы здание кафедрального собора Перми стало в прямом смысле этого слова домом для Русского музея и его сотрудников — им пришлось жить прямо в галерее. Нужно было не только сохранить коллекцию, готовить выставки и читать лекции, но и обеспечить огромный собор дровами.

«За время нахождения коллекции в Перми ни один экспонат ленинградского музея не был повреждён или уничтожен», — это обстоятельство всегда подчёркивается, и неспроста: список утрат, которые понесла русская культура во время войны, — огромен. К счастью, в нём нет пермской страницы.

Пермь стала «крышей в большой шторм» не только для Кировского театра, коллекции Русского музея и его сотрудников, но и для очень и очень многих. Например, для писателя Вениамина Каверина, который в письме краеведу Владимиру Колбасу и употребил это выражение — «крыша в большой шторм», рассказывая о чувстве благодарности, которое испытывают блокадники к нашему городу.

Большинство из тех, кто находился здесь в эвакуации, уехали. Но были и те,

кто остался по разным причинам — на время или навсегда.

Среди них была балерина Екатерина Гейденрейх. Её, петербурженку-ленинградку, вытащили из Усольяга друзья. Пермь стала для неё транзитом. После реабилитации она немедленно вернулась в Ленинград. Но Пермская хореографическая школа, которую она основала, живёт и развивается до сих пор.

А вот конструктор Михаил Цирульников в Перми остался. Называть его ленинградцем — преувеличение, конечно. Но давайте будем честны: Ленинград — тоже транзит. К примеру, Цирульников в «Крестах» отбывал заключение. Поэтому в городе Молотова он оказался в составе эвакуированного особого технического бюро управления НКВД по Ленинградской области. Впоследствии он возглавил конструкторское бюро «Мотовилихинских заводов» и сыграл ключевую роль в создании новейших средств вооружения.

Послевоенный транзит учёных и конструкторов, а также деятелей искусства из Перми в Ленинград и обратно — обширная тема, которая ещё ждёт своего исследователя. Как и исследование близости менталитетов жителей этих городов. Считается даже, что Пермь — спутник Санкт-Петербурга в том же смысле, что и Екатеринбург — спутник Москвы.

В чём тут дело? Возможно, в белых ночах. Но это не точно.

Как бы то ни было, тем, кто приезжает из Питера в Пермь, не так сложно, как в других городах.

В то же время Пермь сжимает человека, как пружину, пробует на прочность, испытывает, плющит и пытается отравить — ядовитых людей здесь много. Но и тех, кто является противоядием, — тоже. Поэтому, если удалось состояться здесь и выдержать, в других городах будет легче. В Санкт-Петербурге, например, или в Москве, Париже, Лондоне, Нью-Йорке и так далее.

Сильные линии, питающие настоящее творчество, расположены где-то здесь.

Пермь даёт мощный драйв и запас прочности, с которым можно выходить на заданную орбиту. Она — питательный субстрат для всего хорошего.

Так было с Сергеем Дягилевым, чьи «Русские сезоны» стали не столько событием из мира искусства, сколько свежим ветром в душных европейских гостиных.

Так стало и с Теодором Курентзисом, что бы он сейчас ни говорил о Перми. Давайте понаблюдаем за траекторией его биографии. Есть основания думать, что он останется на той высоте, которой достиг в Перми, — не ниже, но и не выше. Потому что выше только звёзды.

Уезжать из Перми — нормально, хотя бы и потому, что некоторые вещи можно делать только в столицах. Архитекторам Воронихину и Свизеву тут негде было бы развернуться — не тот масштаб.

Но и оставаться в Перми, приезжать сюда за силой — тоже прекрасно. «Если выпало в империи родиться, нужно жить в глухой провинции, у моря», — писал Иосиф Бродский, не уточняя, что море может быть Пермским.

ФОТО ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ ПЕРМСКОГО КРАЯ

Город Молотов, 1941–1947 гг. Кадры из кинохроники